

Р. ИНГЛХАРТ,
ПРОФЕССОР ПОЛИТОЛОГИИ МИЧИГАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ДИРЕКТОР ПРОЕКТА «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ» (США),

К. ВЕЛЬЦЕЛЬ,
ПРОФЕССОР ПОЛИТОЛОГИИ БРЕМЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. ЯКОБСА (ФРГ)

РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ: ЧТО МЫ ЗНАЕМ О МОДЕРНИЗАЦИИ

Рассматривается процесс развития демократизации в контексте общей долгосрочной тенденции, в перспективе определяющей путь к демократии через модернизацию. Анализируется история трансформации концепции модернизации на протяжении XIX–XXI ст. По мнению авторов статьи, основная идея модернизации состоит в том, что экономическое и технологическое развитие порождает комплекс взаимосвязанных социальных и политических изменений. Это подтверждается новым эмпирическим материалом, позволяющим продемонстрировать ее влияние на мировоззрение и мотивацию.

The process of democratization development is considered in the context of a long-term general trend, determining the future way to democracy through modernization. The history of transformation of modernization conceptions within XIX–XXI c. is given analysis to. The authors of the article conclude that the main idea of modernization is that economic and technological development gives birth to a complex of interconnected social and political changes. The conclusion is confirmed by some new empirical data enabling to demonstrate the influence of the given idea on the world outlook and motivation.

В последние несколько лет демократический бум сменился демократической рецессией. С 1985 по 1995 г. десятки стран совершили переход к демократии, который сопровождался эйфорией относительно ее будущего. Однако в ряде стран (Бангладеш, Нигерия, Филиппины, Россия, Таиланд, Венесуэла) демократия отступила, а попытки администрации Буша ее установить в Афганистане и Ираке, кажется, ввергли обе страны в хаос. Эти изменения наряду с растущей мощью Китая и России привели многих наблюдателей к выводу, что демократия достигла своей высшей точки и вряд ли расширится дальше.

Этот вывод является ошибочным. Основополагающие условия во многих обществах мира указывают на более сложную реальность. Нереально предполагать, что демократические институты могут быть легко созданы практически в любом месте и в любое время. Хотя перспективы никогда не безнадежны, с наибольшей вероятностью демократия возникает и выживает при наличии определенных социальных и культурных условий, существующих в данном месте. Администрация Буша проигнорировала эту реальность, когда пыталась внедрить демократию в Ираке без предварительного создания системы внутренней безопасности, и пренебрегла культурными условиями, которые поставили эти усилия под угрозу.

Несмотря на это, условия, благоприятные для демократии, могут изменяться (могут возникнуть и возникнуть), и процесс «модернизации», согласно эмпирическим данным, способствует их достижению. Модернизация – совокупность социальных изменений, связанных с индустриализацией. Вступив в действие, она стремится проникнуть во все сферы жизни, принося профессиональную специализацию, урбанизацию, повышение уровня образования, увеличение продолжительности жизни и быстрый экономический рост, которые создают самоусиливающийся процесс, преобразующий

общественную жизнь и политические институты. Возрастает массовое участие в политике, способствующее в долгосрочной перспективе принятию демократических политических институтов, что становится все более и более вероятным. Сегодня мы имеем, как никогда, четкое представление о том, почему и как происходит процесс демократизации.

Долгосрочная тенденция к возникновению демократии всегда проявлялась в подъемах и спадах. В начале XX в. существовала лишь горстка демократических государств, и даже они не соответствовали сегодняшним стандартам демократии. После Первой мировой войны число демократических государств значительно увеличилось, очередной пик развития демократии произошел после Второй мировой войны, а третий – в конце периода холодной войны. После каждого из этих скачков следовал спад, хотя число демократических государств никогда не опускалось ниже первоначального уровня. К началу XXI в. около 90 государств можно было считать демократическими.

И хотя многие из этих демократий несовершенны, общая тенденция позитивна: в долгосрочной перспективе модернизация ведет к демократии. Это означает, что экономический взлет Китая и России имеет положительный аспект: происходящие изменения повышают вероятность появления в будущем более либеральных и демократических политических систем, а также, что нет причины паниковать по поводу того, что демократия в настоящее время, по всей вероятности, вынуждена перейти к обороне. Динамика модернизации и демократии становится все более очевидной, и вполне вероятно, что она продолжится.

Великий спор

Концепция модернизации имеет долгую историю. В XIX и XX вв. марксистская теория модернизации провозглашала, что отмена частной собственности положила бы конец эксплуатации, неравенству и конфликтам. Согласно конкурирующей капиталистической версии экономическое развитие ведет к повышению уровня жизни и демократии. Эти два видения модернизации яростно соревновались друг с другом на протяжении большого периода холодной войны. К 1970-м гг. коммунизм начал переживать застой, а во многих бедных странах не наблюдалось ни экономического развития, ни демократизации. Ни одна из версий, казалось, не подтвердилась, и критики объявили, что теория модернизации мертва. Однако после окончания холодной войны концепция модернизации обрела вторую жизнь, и пересмотренный вариант теории модернизации дал ясное понимание того, куда должно привести глобальное экономическое развитие. Лишенная чрезмерных упрощений, характерных для ее ранних версий, теория модернизации проливает свет на текущие культурные перемены, такие, например, как утверждение гендерного равенства, недавняя волна демократизации и видение демократического мира.

На протяжении большей части истории технологический прогресс был крайне медленным, и новые разработки в области производства продовольствия компенсировались ростом численности населения, аграрные экономики зажимались в тиски стационарного равновесия без повышения уровня жизни. Историю считали либо цикличной, либо постепенно приходящей в упадок после золотого века. Ситуация начала меняться после промышленной революции и появления устойчивого экономического роста, что привело к капиталистическому и коммунистическому представлениям о модернизации. Хотя идеологии отчаянно конкурировали между собой, обе они опирались на экономический рост и социальный прогресс и втягивали народные массы в политику. Каждая из сторон считала, что развивающиеся страны третьего мира будут следовать ее пути модернизации.

В разгар холодной войны в Соединенных Штатах появилась версия теории модернизации, согласно которой экономическая отсталость рассматри-

валась как прямое следствие психологических и культурных особенностей страны. Утверждалось, что такая отсталость отражает традиционные религиозные и общинные ценности, которые препятствуют достижениям. Богатые демократии Запада могли привить современные ценности и добиться прогресса «недоразвитых» народов посредством экономической, культурной и военной помощи. К 1970-м гг., однако, стало ясно, что помощь не принесла значительного прогресса в процветании и демократии, что привело к потере доверия к данной версии модернизации, которая все больше подвергалась критике за этноцентризм и высокомерие. Она попала под резкую критику последователей теории зависимости, которые утверждали, что торговля с богатыми странами эксплуатирует бедные государства, держит их в позиции структурной зависимости. Элиты в развивающихся странах приветствовали такой взгляд, поскольку из него следовало, что бедность не имеет ничего общего с внутренними проблемами и коррупцией местных лидеров, а во всем виноват мировой капитализм. К 1980-м гг. теория зависимости была в моде. Согласно ей страны третьего мира могли избежать глобальной эксплуатации, только уйдя с международных рынков и приняв импортозамещающую политику.

В последнее время стало очевидным, что стратегия импортозамещения потерпела неудачу: страны, наименее вовлеченные в мировую торговлю, такие как Куба, Северная Корея и Мьянма, не являлись самыми успешными – у них фактически был самый медленный рост. Экспортно ориентированные стратегии были гораздо более эффективными в достижении устойчивого экономического роста и в конце концов демократии. Маятник качнулся назад, и авторитет приобрела новая версия теории модернизации. Быстрое экономическое развитие стран Восточной Азии и последующая демократизация Тайваня и Южной Кореи, похоже, подтверждают ее основные требования: производство для мирового рынка приносит экономический рост, инвестирование прибыли в человеческий капитал и повышение квалификации рабочей силы, способной создавать высокотехнологичные товары, приносить более высокий доход и расширять образованный средний класс. Раз средний класс становится достаточно многочисленным и способным четко выражать свои мысли, он начинает настаивать на либеральной демократии – наиболее эффективной политической системе для развитых индустриальных обществ. Тем не менее даже сегодня, если упомянуть модернизацию на конференции по экономическому развитию, в ответ, скорее всего, можно будет услышать повторение критики в духе теории зависимости, в которой речь шла об «отсталых странах», как будто это единственный момент в теории модернизации, как будто Маркса, Вебера, Дюркгейма никогда не существовало и с 1970-х гг. мы не получали новых данных.

Модернизация: новый взгляд

В ретроспективе очевидно, что ранние версии теории модернизации были не правы по ряду вопросов. Сегодня практически никто не ждет, что революция пролетариата, уничтожив частную собственность, принесет новую эру без эксплуатации и конфликтов. Никто не ждет, что индустриализация автоматически приведет к установлению демократических институтов; коммунизм и фашизм также возникли в результате индустриализации. Тем не менее большой массив данных свидетельствует о том, что основная предпосылка теории модернизации была правильной: экономическое развитие имеет тенденцию приносить важные, в целом предсказуемые, изменения в обществе, культуре и политике. Но более ранние версии теории модернизации должны быть пересмотрены в нескольких отношениях.

Во-первых, модернизация не является линейной. Она не движется бесконечно в одном и том же направлении, а вместо этого процесс достигает переломных точек. Эмпирические данные показывают, что каждый этап модернизации приносит отличительные изменения в мировоззрении людей.

Индустриализация ведет к единому масштабному процессу перемен, который влечет за собой бюрократизацию, иерархию, централизацию власти, секуляризацию и переход от традиционных ценностей к светским и рациональным. Рост постиндустриального общества приносит другой набор культурных изменений, которые движутся в ином направлении: вместо бюрократизации и централизации новая тенденция направлена в сторону увеличения акцента на индивидуальной автономии и ценностях самовыражения, что ведет к растущей эмансипации от власти.

Таким образом, при прочих равных условиях высокий уровень экономического развития, как правило, делает людей более терпимыми и доверчивыми, что повышает стремление к самовыражению и участию в принятии решений. Этот процесс не является детерминированным, и любой прогноз может быть только вероятностным, так как на него влияют не только экономические факторы; лидеры данной страны и национально-специфические события влияют на то, что в ней происходит. Кроме того, модернизационные изменения не являются необратимыми. Тяжелый экономический коллапс может полностью изменить их, как это произошло во времена Великой депрессии в Германии, Италии, Японии и Испании и в 1990-х гг. в большинстве бывших советских республик. Аналогичным образом, если нынешний экономический кризис превратится в Великую депрессию XXI в., мы можем столкнуться с новой борьбой против ксенофобии и авторитаризма.

Во-вторых, социально-культурные изменения зависят от пути, пройденного страной: история имеет значение. Хотя экономическое развитие стремится привести предсказуемые перемены в мировоззрение людей, общественное наследие, сформированное протестантизмом, католицизмом, исламом, конфуцианством или коммунизмом, накладывает прочный отпечаток на мировоззрение общества. Система ценностей отражает взаимодействие между движущими силами модернизации и сохраняющими влияние традициями. Классики теории модернизации стран Запада и Востока считали, что религия и этнические традиции вымрут, однако последние доказали свою высокую жизнеспособность. Хотя жители стран, вставших на путь индустриализации, становятся богаче и образованнее, это отнюдь не ведет к появлению единообразной мировой культуры. Культурное наследие удивительно долговечно.

В-третьих, модернизация – это не вестернизация, в отличие от ранней, этноцентрической, версии теории. Процесс индустриализации начался на Западе, но в течение последних нескольких десятилетий в Восточной Азии был самый высокий в мире темп экономического роста, а Япония лидирует по средней продолжительности жизни и по ряду других аспектов модернизации. Соединенные Штаты – не образец для глобальных культурных изменений, а индустриализующиеся общества в целом не становятся похожими на США, как предполагает популярная версия теории модернизации. На самом деле, Соединенные Штаты сохраняют больше традиционных ценностей, чем многие другие общества с высоким уровнем дохода.

В-четвертых, модернизация не ведет к демократии автоматически. Скорее она в долгосрочной перспективе приносит социальные и культурные изменения, которые повышают степень вероятности появления демократии. Простое достижение высокого уровня ВВП на душу населения не приводит к демократии: если бы это было так, то Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты превратились бы в образцовые демократические государства. (Эти страны не прошли процесс модернизации, описанный выше.) Но возникновение постиндустриального общества сопровождается определенными социальными и культурными изменениями, которые способствуют демократизации. Информационные общества не могут эффективно функционировать без высокообразованного населения, которое все больше привыкает думать самостоятельно. Кроме того, повышение уровня экономической

безопасности переносит акцент на ценности самовыражения, ставя в число основных приоритетов свободу выбора и мотивируя политическую активность. Соответственно после определенного момента становится трудно избежать демократизации, потому что подавление массового требования более открытого общества становится дорогостоящим и наносит ущерб экономической эффективности. Таким образом, на поздних стадиях модернизация приносит социальные и культурные перемены, которые способствуют повышению степени вероятности появления и расцвета демократических институтов.

Основная идея модернизации состоит в том, что экономическое и технологическое развитие порождает комплекс взаимосвязанных социальных и политических изменений. Большой объем эмпирических данных подтверждает эту идею. Экономическое развитие, по сути, тесно связано с широко распространенными сдвигами в убеждениях и мотивации людей, а эти сдвиги в свою очередь изменяют роль религии, трудовую мотивацию, уровень рождаемости, гендерные роли и сексуальные нормы. А еще они вызывают растущий массовый спрос на демократические институты и куда более отзывчивую реакцию со стороны элит. Совокупность этих перемен делает возникновение демократии все более вероятным, а войну – менее приемлемой для населения.

Эмпирические данные о культурных изменениях

Новые эмпирические данные позволяют лучше понять, как модернизация меняет мировоззрение и мотивацию. Одним из важных источников являются глобальные исследования массовых ценностей и взглядов. С 1981 по 2007 г. в рамках проектов «Исследование мировых ценностей» (World Values Survey) и «Исследование европейских ценностей» (European Values Study) были проведены пять репрезентативных общенациональных опросов в десятках стран, охватившие почти 90 % населения мира. Результаты выявили значительные межнациональные различия в том, во что люди верят и что ценят. В некоторых странах 95 % жителей говорят, что Бог является очень важным в их жизни, тогда как для населения других стран данный показатель составляет только 3 %. В одних государствах 90 % респондентов считают, что мужчины имеют больше прав на рабочее место, чем женщины, в других так думают только 8 %. Эти межнациональные различия надежны и прочны и тесно связаны с уровнем экономического развития общества: население стран с низким доходом намного чаще делает акцент на религию и традиционные гендерные роли, чем жители богатых стран.

Согласно данным исследованиям мировоззрение представителей богатых обществ системно отличается от мировоззрения жителей бедных стран по широкому кругу политических, социальных и религиозных норм. Различия касаются двух фундаментальных аспектов: противопоставления традиционных ценностей секулярно-рациональным и ценностей выживания ценностям самовыражения. (Каждый аспект отражает ответы на множество вопросов, задававшихся в ходе опроса.) Переход от традиционных к секулярно-рациональным ценностям связан с переходом от аграрного общества к индустриальному. Традиционные общества подчеркивают важность религии, традиционных ценностей, уважения и послушания властям, они, как правило, отвергают аборты и имеют высокий уровень национальной гордости. Эти характеристики меняются по мере того, как общества становятся более светскими и рациональными.

Переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения связан с появлением постиндустриальных обществ. Он отражает культурный сдвиг, который происходит, когда появляются молодые поколения, считающие выживание само собой разумеющимся. Ценности выживания уделяют приоритетное внимание экономической и физической безопасности и конформистским социальным нормам. Ценности самовыражения придают высокий

статус свободе выражения мнений, участию в принятии решений, политической активности, охране окружающей среды, гендерному равенству, терпимости к этническим меньшинствам, иностранцам, сексуальным меньшинствам. Все это порождает культуру доверия и терпимости, при которой люди дорожат личной свободой и самовыражением и ориентированы на активное участие в политике. Эти атрибуты имеют решающее значение для демократии – они же и объясняют, как экономический рост, ведущий к переходу от аграрных обществ к индустриальным, а впоследствии – от индустриальных к постиндустриальным, приводит к демократизации. Беспрецедентный экономический рост за последние 50 лет способствовал тому, что большинство мирового населения выросло в условиях гарантированного выживания. Временные ряды данных, полученные в ходе исследований мировых ценностей, показывают, что массовые приоритеты сместились с повсеместного акцента на экономическую и физическую безопасность в сторону субъективного благополучия, самовыражения, участия в принятии решений и относительно доверительных и толерантных взглядов.

Оба измерения тесно связаны с экономическим развитием: системы ценностей в странах с высоким уровнем дохода резко отличаются от этих же систем в странах с низким уровнем. Все государства, которые по методике Всемирного банка имеют высокий уровень дохода, отличаются относительно высокими показателями по обоим направлениям с ярко выраженным упором как на ценности самовыражения, так и на секулярно-рациональные ценности. Все страны с низким уровнем дохода и с доходом ниже среднего по обоим аспектам отличаются относительно невысокими показателями. Страны с доходом выше среднего уровня располагаются где-то посередине. Ценности и убеждения каждого общества в значительной степени отражают его экономическое развитие, как и следует из теории модернизации.

Эта сильная связь между системой ценностей общества и ВВП на душу населения показывает, что экономическое развитие обычно порождает более или менее предсказуемые изменения в убеждениях и ценностях общества, и эту гипотезу подтверждают имеющиеся данные временных рядов. При сравнении позиций отдельных стран при исследовании мировых ценностей с 1981 по 2007 г. можно обнаружить, что почти всем странам, переживающим подъем ВВП на душу населения, свойствен и предсказуемый сдвиг в системе ценностей (рис. 1).

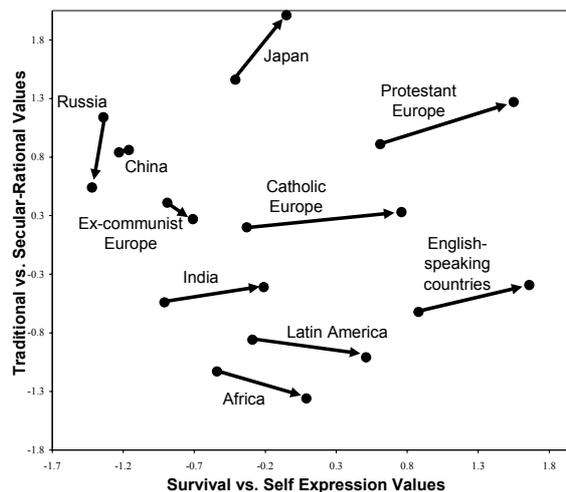

Рис. 1. Изменение системы ценностей в зависимости от ВВП

Результаты опросов показывают также, что культурные переменные зависят от предшествующего пути: культурное наследие того или иного общества формирует его место на культурной карте мира. На этой карте отражены

отличные друг от друга группы стран: протестантская Европа, католическая Европа, экс-коммунистическая Европа, англоговорящие страны, Латинская Америка, Южная Азия, исламские и африканские культурные кластеры. Ценности, на которые ориентируются различные общества, складываются в удивительно связную схему, которая отражает и экономическое развитие, и религиозное и колониальное наследие. Тем не менее, даже если культурное наследие продолжает формировать преобладающие ценности, экономическое развитие несет с собой перемены, которые ведут к важным последствиям. Со временем оно преобразует религиозные убеждения, трудовую мотивацию, уровень рождаемости, гендерные роли и сексуальные нормы, что вызывает растущий массовый спрос на демократические институты и ценности и куда более отзывчивую реакцию со стороны элит. И в течение 25 лет, когда проводились исследования мировых ценностей, люди в большинстве стран все больше подчеркивали ценности самовыражения. Этот культурный сдвиг значительно увеличивает вероятность возникновения демократии там, где ее пока нет, равно как и вероятность повышения ее эффективности и полноты там, где она уже есть.

Развитие и демократия

Пятьдесят лет назад социолог М. Липсет отметил, что богатые страны с гораздо большей степенью вероятности становятся демократическими, чем бедные. Хотя это утверждение долгие годы оспаривалось, оно выдержало неоднократные проверки. Сомнению подвергалось и направление причинно-следственной связи: вероятность того, что богатая страна станет демократией, выше потому, что демократия делает страну богатой, или развитие ведет к демократии. Сегодня представляется очевидным, что движение происходит в основном в направлении от экономического развития к демократизации. На ранних этапах индустриализации авторитарные государства способны добиться высоких темпов роста с той же степенью вероятности, что и демократические. Но после достижения определенного уровня экономического развития повышается также и вероятность появления и выживания демократии. Таким образом, среди десятков государств, демократизовавшихся около 1990 г., большинство относилось к странам со средним уровнем доходов: почти все государства с высоким доходом уже являлись демократиями, а немногие страны с низким доходом тоже совершили этот переход. Более того, среди государств, которые демократизировались в период с 1970 по 1990 г., демократия выжила во всех странах, находившихся на экономическом уровне Аргентины или выше; а в странах ниже этого уровня средняя продолжительность жизни демократии составляла всего восемь лет.

Сильная корреляция между развитием и демократией отражает факт: экономическое развитие способствует появлению демократии. По вопросу о том, почему, собственно, развитие способствует демократии, велись интенсивные споры, но уже появляется ответ. Это не является результатом некой бестелесной силы, благодаря которой демократические институты возникают автоматически, когда страна достигает определенного уровня ВВП. Скорее экономическое развитие влечет за собой социально-политические изменения, лишь постольку, поскольку оно меняет поведение людей. Следовательно, экономическое развитие ведет к демократии в той степени, в какой оно, во-первых, создает многочисленный, образованный и четко выражающий свои мысли средний класс, состоящий из людей, привыкших думать самостоятельно, и, во-вторых, преобразует ценности и мотивацию людей.

В настоящее время, как никогда ранее, появилась возможность установить, в чем состоят ключевые перемены и насколько они продвинулись в той или иной стране. Многомерный анализ данных опросов дает возможность классифицировать факторы воздействия на экономические, социаль-

ные и культурные изменения, а его результаты позволяют сделать вывод о том, что экономическое развитие ведет к демократии постольку, поскольку оно приносит с собой конкретные структурные изменения (в особенности рост информационного сектора) и определенные культурные преобразования (в частности, увеличение значимости ценностей самовыражения). Войны, депрессии, институциональные изменения, решения элит или конкретных лидеров также влияют на происходящее, но культурные перемены являются основным фактором формирования и выживания демократии.

Модернизация способствует повышению уровня образования, привлекая рабочую силу в профессии, которые требуют самостоятельного мышления, и делая людей более способными четко выражать свои мысли и вмешиваться в политику. С возникновением информационных обществ люди больше полагаются на себя и становятся более склонными подвергать сомнению жесткую и иерархичную власть.

Модернизация также делает людей более защищенными в экономическом плане, ценности самовыражения распространяются все шире, когда значительная часть населения вырастает с уверенностью, что ее выживание гарантировано. Стремление к свободе и автономии – всеобщие. Когда выживание не гарантировано, они могут быть подчинены потребностям в средствах к существованию и в порядке, но они поднимаются все выше в списке приоритетов по мере того, как выживание становится более обеспеченным. Основная мотивация для демократии – желание человека иметь свободу выбора – начинает играть более важную роль. Люди все больше и больше акцентируют внимание на свободе выбора в политике и требуют гражданских и политических прав, а также демократических институтов.

Эффективная демократия

Во время наивысшего проявления демократии, которая приходилась на 1987–1995 гг., выборная демократия быстро распространилась по всему миру. В этом процессе важную роль сыграли стратегические договоренности элит, которым содействовала международная обстановка, когда окончание холодной войны открыло путь для демократизации. Изначально было принято считать демократией любой режим, проводивший свободные и справедливые выборы. Но многие новые демократии страдали от массовой коррупции и не смогли добиться установления правового государства, которое делает демократию эффективной. Все большее число наблюдателей тем самым подчеркивают неадекватность «выборной демократии», «гибридной демократии», «авторитарной демократии», иных форм мнимой демократии, при которой политические элиты в значительной степени могут игнорировать предпочтения масс и народ не сможет оказывать определяющего влияния на решения правительства, как следует из теории демократии. Соответственно важно отличать эффективную демократию от неэффективной.

Суть демократии состоит в том, что она дает обычным гражданам. Эффективная демократия отражает не только юридическую сторону существования гражданских и политических прав на бумаге, но и фактическое уважение чиновниками этих прав и их соблюдение. Первый из этих двух компонентов – наличие прав на бумаге – измеряется ежегодным рейтингом Freedom House: если страна проводит демократические выборы, Freedom House обычно присваивает ей статус «свободной» и начисляет баллы, в соответствии с которыми она размещается в рейтинге. Таким образом, новые демократии Восточной Европы получают такой же высокий рейтинг, как и устоявшиеся демократии Западной Европы, хотя углубленный анализ показывает, что широкое распространение коррупции делает эти демократии куда менее эффективными в реагировании на предпочтения граждан. К счастью, рейтинг качества государственного управления Всемирного банка измеряет степень реальной эффективности демократических институтов.

Следовательно, примерный индекс эффективной демократии можно получить, умножив эти два рейтинга – формальной демократии по измерениям Freedom House и рейтинг элит и институциональной целостности, измеряемый Всемирным банком.

Эффективная демократия является значительно более сложным стандартом, чем выборная. Выборную демократию можно установить практически везде, но она, скорее всего, долго не продержится, если не передаст власть от элит народу. Эффективная демократия с наибольшей вероятностью будет существовать при наличии относительно развитой инфраструктуры, которая включает в себя не только экономические ресурсы, но и широко распространенную привычку к участию в политическом процессе, а также акцент на автономии. Соответственно она тесно связана с тем, в какой степени население заинтересовано в ценностях самовыражения (рис. 2).

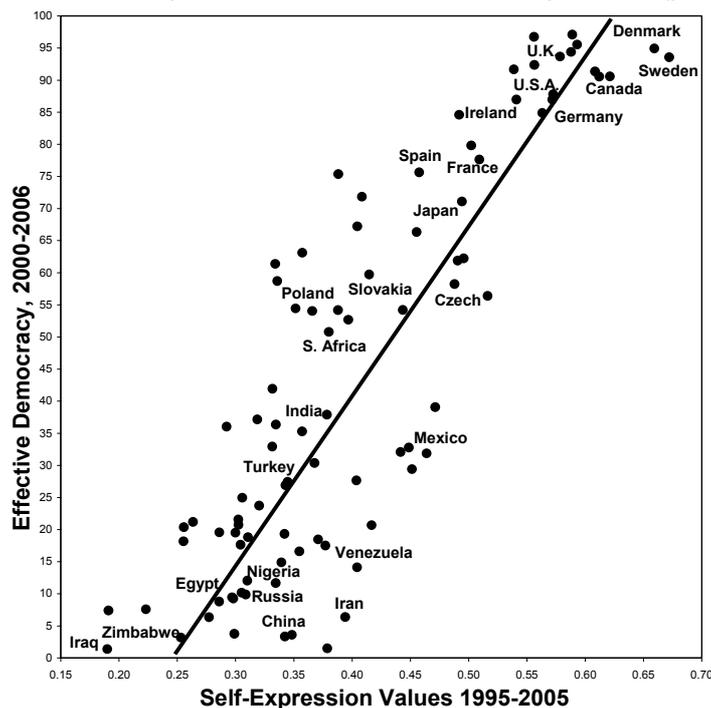

Рис. 2. Корреляция между ценностями общества и природой политических институтов страны

Практически все стабильные демократии демонстрируют высокое значение ценностей самовыражения (см. рис. 2). У большинства латиноамериканских стран результаты оказались ниже уровня эффективной демократии, чем можно было предсказать, исходя из ценностей, которым отдают предпочтение жители данных стран. Это говорит о том, что такие общества могли бы поддерживать более высокий уровень демократии, если укрепить в них основы правового государства. Результаты по Ирану тоже ниже ожидаемых. Теократический режим допускает куда более низкий уровень демократии, чем тот, к которому стремится народ. Как ни удивительно для тех, кто концентрируется на политике только на уровне элит, жители Ирана демонстрируют относительно высокую степень поддержки демократии. Напротив, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Польша и Эстония показывают результаты выше ожидаемых, уровень демократии там выше, чем можно было бы предсказать, исходя из ценностей, предпочитаемых жителями данных стран, возможно, это отражает стимулы к демократизации, связанные с членством в Европейском Союзе.

Но ведут ли ценности самовыражения к демократии или же демократия служит причиной появления ценностей самовыражения? Данные свиде-

тельствуют, что именно ценности самовыражения приводят к демократии^{*}. Для того чтобы появились ценности самовыражения, нет необходимости в уже существующих демократических институтах. Данные временных рядов, полученные при опросах о ценностях, указывают на то, что в период, предшествовавший волне демократизации (1988–1992), ценности самовыражения уже существовали не только в западных демократиях, но также и во многих авторитарных обществах. К 1990-м гг. народы Восточной Германии и Чехословакии, жившие при двух из наиболее авторитарных режимах в мире, высоко подняли уровень ценностей самовыражения. Решающим фактором была не политическая система, а то, что эти страны относились к числу наиболее экономически развитых в коммунистическом мире с высоким уровнем образования и передовой системой социального обеспечения. Таким образом, когда Горбачев отказался от доктрины Брежнева, устранив угрозу советского военного вмешательства, эти государства сразу же вступили на путь демократии.

В последние десятилетия ценности самовыражения распространялись и укреплялись, повышая вероятность прямого вмешательства народа в политику. (Действительно, беспрецедентное число людей принимало участие в демонстрациях, которые содействовали появлению последней волны демократизации в период с 1988 по 1992 г.) Значит ли это, что авторитарные системы неизбежно рухнут? Нет. Акцентирование на ценностях самовыражения обычно подрывает легитимность авторитарных систем, но пока авторитарные элиты контролируют армию и тайную полицию, они способны подавлять продемократические силы. Тем не менее даже для репрессивных режимов сдерживание подобного рода тенденций обходится дорого, поскольку обычно это препятствует появлению эффективных информационных секторов.

Последствия модернизации

Такое новое понимание модернизации имеет немаловажные последствия для международных отношений. С одной стороны, оно помогает объяснить, почему передовые демократические страны не воюют друг с другом. Недавнее исследование обеспечивает надежную эмпирическую поддержку этого тезиса, который восходит еще к А. Смитю и И. Канту. После своего появления в начале XIX в. либеральные демократии сражались в нескольких войнах, но практически никогда друг против друга. Однако эта новая версия теории модернизации указывает на то, что причиной феномена демократического мира являются скорее культурные изменения, связанные с модернизацией, чем демократия как таковая.

В более ранние периоды истории демократии часто воевали друг с другом. Но превалировавшие в них нормы со временем претерпели изменения, о чем свидетельствуют отмена рабства, постепенное распространение избирательных прав и движение к гендерному равенству практически во всех современных обществах. Еще одна культурная перемена, произошедшая в современных обществах, состоит в том, что война считается все более неприемлемой, а степень вероятности того, что люди будут выражать свои предпочтения и пытаться воздействовать на политику, повысилась. Согласно исследованиям мировых ценностей жителям стран с высоким уровнем дохода присущ гораздо более низкий уровень ксенофобии, чем жителям стран с низким уровнем дохода, а граждане государств с высоким уровнем дохода в гораздо меньшей степени готовы сражаться за свою Родину, чем жители стран с низким уровнем дохода. Кроме того, экономически развитые демократии ведут себя по отношению друг к другу куда более мирно, чем бедные, и гораздо меньше склонны развязать гражданскую войну.

^{*} Для эмпирического доказательства этого утверждения см. книгу Р. Инглхарта и К. Вельцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия» (Cambridge, 2005). Для получения дополнительной информации об исследованиях ценностей посетите <http://www.worldvaluessurvey.org>.

Теория модернизации имеет как предостерегающие, так и ободряющие последствия для внешней политики США. Ирак, конечно, служит предостерегающим уроком. Вопреки привлекательному мнению, что демократию можно без труда установить практически в любом месте, теория модернизации предполагает, что демократия с гораздо большей степенью вероятности будет процветать лишь при определенных условиях. Ряд факторов, включая глубокие этнические противоречия, усугубленные режимом Саддама Хусейна, сделали нереалистичными ожидания того, что будет просто установлено демократию в Ираке. А после поражения Саддама особенно серьезной ошибкой стала неспособность противодействовать снижению уровня физической безопасности. Межличностное доверие и терпимость процветают, когда люди чувствуют себя в безопасности. Демократия вряд ли сможет выжить в обществе, раздираемом недоверием и нетерпимостью, а Ирак сейчас отличается самым высоким уровнем ксенофобии из всех обществ, по которым имеются соответствующие данные. Наглядным показателем ксенофобии является численность людей, которые не хотели бы видеть в качестве соседей иностранцев. Средняя доля опрошенных из 80 стран, которые заявили об этом, составляет 15 %. Среди иракских курдов 51 % респондентов не хотели бы соседствовать с иностранцами, среди иракских арабов таких 90 %. В соответствии с этим Ирак (вместе с Зимбабве и Пакистаном) демонстрирует очень низкие уровни как ценностей самовыражения, так и эффективной демократии.

Теория модернизации также имеет и положительные последствия для внешней политики США. На основе большого количества данных можно заключить, что экономическое развитие является фундаментальной движущей силой демократических перемен, это означает, что Вашингтон должен делать все, что в его силах для содействия развитию. Если, например, он хочет способствовать демократическим переменам на Кубе, то изолировать ее – контрпродуктивно. США должны снять эмбарго, содействовать экономическому развитию и укреплению социального взаимодействия и других внешних связей Кубы с остальным миром. Ни в чем нельзя быть уверенным, но согласно эмпирическим данным можно предполагать, что растущее ощущение безопасности и акцент на ценностях самовыражения подорвут авторитарный режим.

Хотя многие наблюдатели были встревожены экономическим возрождением Китая, этот рост имеет в долгосрочной перспективе положительные последствия. Под, казалось бы, монолитной политической структурой Китая возникает социальная инфраструктура демократизации, и она продвинулась дальше, чем думает большинство наблюдателей. Китай в настоящее время приближается к тому же уровню массового внимания к ценностям самовыражения, достигнув которого такие страны, как Чили, Польша, Южная Корея и Тайвань, совершили переход к демократии. И как ни удивительно это может показаться тем исследователям, которые берут в расчет только политику на уровне элит, Иран также вблизи этого порога. Пока Коммунистическая партия Китая и теократические лидеры Ирана контролируют армию и силы безопасности в своих странах, демократические институты на уровне государства не появятся. Но растущее давление масс в пользу либерализации уже начинает проявляться, и их подавление приведет к росту издержек с точки зрения экономической неэффективности и упадка морального духа общества.

В целом рост благосостояния населения Китая соответствует национальным интересам США. В более широком смысле из теории модернизации следует, что Соединенные Штаты должны приветствовать и поощрять экономическое развитие во всем мире. Хотя экономическое развитие и требует сложной корректировки, но его долгосрочные последствия ведут к появлению более терпимых, менее ксенофобских и в конечном счете более демократических обществ.